

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

О.Б. БУШЕВ. ДОСЛІДЖЕННЯ ПОЛІТИЧНОГО ДИСКУРСУ ТА МОВНА ОСОБИСТІТЬ.

Роботу присвячено різним парадигмам глобального політичного дискурсу. Теорія мовної особистості може біти притягнута до опису політичної ораторики колективного адресанту медіа. При аналізі матеріалів нашу увагу пригортають стереотипи, оціночність, політична (не)коректність у політичному дискурсі, евфемізація, перефразування, обмеженість концептуального репертуару глобального медійного політичного простору.

Ключові слова: мовна особистість, мас-медіа, дискурс, політичний дискурс, оціночність, стереопінія.

А.Б. БУШЕВ. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ.

Работа посвящается различным парадигмам анализа глобального политического дискурса. Теория языковой личности может быть привлечена к описанию политической ораторики коллективного адресанта медиа. При анализе материалов наше внимание привлекают стереотипы, оценочность, политическая (не)корректность в политическом дискурсе, эвфемизация, перефразирование, ограничение концептуального репертуара глобального медийного политического дискурса.

Ключевые слова: языковая личность; масс-медиа; дискурс; политический дискурс; оценочность; стереотипия.

ALEXANDRE B. BOUCHEV. MODERN POLITICAL DISCOURSE STUDIES AND SPRACHENPERSOENLICHKEIT.

The paper deals with different paradigms of political discourse analysis. The theory of Sprachenpersoenlichkeit can be applied to the analysis of collective personality creator of mass media text in global mass media political discourse. The paper sheds light upon the inherent linguistic constituents of such a discourse, such as stereotypes, assessments, political (non)correctness, euphemisms, periphrases, the limited stock of conceptual spaces in global political mass media discourse.

Key words: mass media; Sprachenpersoenlichkeit; discourse; political linguistics; axiological assessment; stereotypes.

Современные исследования политической коммуникации демонстрируют несколько подходов.

Известна идущая со времен античности традиция исследования политической коммуникации **риторикой**. Эта парадигма, сформировавшаяся в условиях античного полиса, доказавшая свою эффективность в условиях Средних веков и Нового времени, в условиях информационного общества (неориторика), советского общества (например, исследования А. А. Леонтьева, Е.А. Ножина, Л.К. Граудиной), и в условиях транзита (В.И. Аннушкин). Показательна в связи с риторикой традиция рассмотрения советского языка и текста с различной его оценкой (П. Серио, А.П. Романенко, Н.А. Купина, М. Вайскопф, В.М. Мокиенко, М.О. Чудакова). Очевидно, последние работы закладывают фундамент всякого рода исследований политической номинации.

Сформировавшееся в начале 90-х годов XX века в русле семантических и концептуальных исследований направление **«политическая концептология»** представляет собой новое направление исследований. Своей задачей оно видит изучение динамики и семантики основных политических понятий типа *свобода, воля, равенство, демократия, лидерство* и проч., сравнительное изучение объема этих понятий в рамках разных политических культур. Наиболее показательна в этом смысле классическая и не имеющая аналогов в отечественной политологии работа М.В. Ильина «Слова и смыслы». Сам автор видит истоки своего подхода в теории концептов, разрабатываемой академиком РАН Ю.С. Степановым.

Показателен современный политологический подход к феномену политической коммуникации, демонстрируемый **политической коммуникативистикой** [6]. К этим работам можно отнести и практические пиар- и джар- разработки А.Н. Чумикова и инсти-

туализирующуюся на наших глазах сферу связей с общественностью.

Существуют журналистские теории, рассматривающие **журналистику как прикладную политологию** (В.Т. Третьяков), в связи с политологией («**политология журналистики**» С.Г. Корконосенко), фигуру журналиста и модели журналистики в постсоветском обществе (И.М. Дзялошинский).

Наиболее институализированным направлением является **политическая лингвистика, политоническая метафорология и метафорическое моделирование** (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов; лингвистическая советология, исследуемая Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым). При этом сама идея учета метафорических моделей (типа *политика это бизнес, реформа это лечение, экономика это растение*) восходит к работам по когнитивной теории метафор, в частности к известной работе Дж. Лакоффа. Показательно, что ряд исследователей рассматривают метафорические модели как один из вариантов **политической аргументации** (А.Н. Баранов).

Среди новаторских подходов к исследованию политического дискурса в современной России можно указать на разрабатываемое семинаром «Политический дискурс в России» (Москва, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина), **политическую персонологию и психополитику** [7]. Разрабатывается методология суждения о личности политика посредством анализа его текстов, в том числе непубличных, в том числе письменных, автопрезентационных. На наш взгляд, это перспективней, нежели изучение **президентской риторики** (М.В. Гаврилова). Впрочем, президентские спичрайтеры (среди которых есть доктора исторических и политических наук) сами проливают свет на технологию создания этих произведений в книгах, обобщающих свой труд. Рядом с этими трудами находятся и **исследования американской и западной политической ораторики** (исследования инаугурационных речей, предвыборных речей, публичных речей, сайтов, чрезвычайно распространенные в последние годы в силу доступности материалов по системе Интернета).

Семиотические исследования политической сферы (Е.И. Шейгал) проливают свет не только на вербальную, но и на символическую, невербальную коммуникацию политических смыслов. Сюда же относятся традиции исследования креолизованных жанров политической коммуникации – политического плаката, политической карикатуры, политической иллюстрации.

К суждению о мире политического привлечены **дискурсивные исследования** – в их развитии от З. Харриса, через Т. Ван Дейка и Р. Водак, до Д. Юла, Д. Брауна, Д. Шифрин, Д. Таннен, Н. Фарклау, М. Йогнесен и др. Мы можем отметить, что в американской традиции *дискурсивный* понимается практически как *неориторический*, а дискурсивные исследования смыкаются с имеющей богатую традицию, инструментарий, хорошо институализированной риторикой. Показательны в этом направлении отчетливые дискурсивные исследования: работы уральской группы «Дискурс Пи» под руководством О.Ф. Русаковой, выходящий белгородский Интернет-журнал дискурсивных исследований под руководством Е.А. Кожемякина

К обсуждению при анализе политического дискурса привлекается и **концепция языковой личности** как выражение вербального опыта политика (например, Кобец [3]). В указанной работе привлекает внимание прежде всего исчисление стратегий современного политика – на что нацеливается таковой при публичных выступлениях. Это анализируется на репрезентативном корпусе материала. Каким риторическим задачам подчинена деятельность политика?! И указанная работа дает четкие ответы на эти вопросы. Более того, ряд стратегий связывается с макростратегиями – конфликтовать, кооперировать либо самопрезентироваться. Это чрезвычайно интересно. В зависимости от этих макроустановок (очевидно, совпадающих, по мнению автора и К.Ф. Седова, с классическими темпераментами, хотя последние не встречаются в чистом виде) политик строит все вербальное поведение.

Е.В. Кобец исчисляются элокутивы тропеического и фигурального характера. И тут мы можем предъявить мысли автора тот же упрек, что и всей риторике – нет доказательств связи определенных тропов и фигур и их контаминаций и эффективности коммуникации, нет специфических связей риторических приемов со стратегиями, тактиками речи. Более того, **цветистые, орнаментальные речи могут быть старомодными или пустыми**. И напротив, эффективные речи могут быть лишены фигур, просты. А уж тем более между речью и личностью политика нет никаких корреляций (История показывает, что можно выступить с речью «Братья и сестры!...», затем загубить миллионы людей и опровергнуть Достоевского – не стать после этого Раскольниковым).

Привлекательно исследование Е.В. Кобец фигуры пресуппозиции – в широком смысле учитывающей весь опыт и канон вербального поведения. Это тоже сильная

сторона работы, ее безусловное достижение. Культура языковой личности и культура речи, логика, интеллект и вербальное поведение, критерии развитости речи, исследуемые диссертантом – эти проблемы отсылают нас и к работам Г.И. Богина, и к работам Б.Н. Головина. Оратору можно сказать пусть и с ошибкой («*Мой язык, как хочу, так и говорю*», – утверждала З. Шаховская), но главное – что и как!

Полемизируя по поводу языковой личности политика и политической риторики, отметим следующие моменты:

1. Привлечение понятий «языковая личность», «дискурсивная личность», «коммуникативная личность» в работах данного круга исследований. Их авторы, как мы понимаем, не разделяют мнения лингвистов-когнитологов, что «языковая личность – абстракция от всех результатов речемыслительной деятельности коммуникантов в тех или иных дискурсивных условиях; когнитивно-дискурсивный инвариант, реализуемый в дискурсе некоторым множеством вариантов, различающихся между собой номинативными и дискурсивными стратегиями» (Л.И. Гришаева), комплексный прототип идентичности и т.д. Не разделяем этой точки зрения и мы. Для авторов языковая личность – это носитель (как, например, Лебедь А.И., так и социальный тип современного регионального политика). Однако, вербальное поведение этого политика не объясняется Е.В. Кобец и не связывается в работе с тем, каков его уровень образования, каковы случайность и закономерность вознесения во власть такой фигуры, ее избранность и поддержка, склонность к политическим гешефтам – и самое главное для риторики! – результаты деятельности. Об этом судить рано. Это вне пределов филологического исследования. Но риторика не может не использовать эти экстралингвистические сведения для суждения о речах исследуемого. В работе Е.В. Кобец представлено **как** говорит А.И.Лебедь, но **о чем** он говорит – задачи, цели, деятельность и результаты речевых поступков, результаты деятельности – оказываются вне рассмотрения. **Какими концептами он оперирует?**

2. Автор не учитывает парадокс наивного носителя языка и риторического (художественного) использования языка – едва ли А.И. Лебедь мог сам судить о своих текстах с точки зрения их роли в процессе формирования и выражения мысли, концепции, композиции речи», использования фигур градации, полисиндетона и т.д.

3. О каких личностных свойствах позволяют судить тексты А.И. Лебеда? Как личностные свойства сказываются на речах

А.И. Лебеда?! На наш взгляд, речь в лингвоперсонологии идет о не о языковой личности, а о личности, как и в лингвопсихологии. Впрочем, Ю.Н. Караулов полагает, что в языковой личности представлены все ее личностные характеристики. Кстати, в труде Е.В. Кобец четко и хорошо представлен методологический пафос лингвоперсонологии: двунаправленный вектор исследований: лингводиagnostика плюс лингвопраксеология (лингвобихевиорология) и восхождение к языку от личности.

4. Как мы уже указали, есть разные подходы к тому, что такое языковая личность. Е. В. Кобец придерживается той позиции, что это носитель или социальная группа носителей. Ну, так тогда, как образование, опыт предшествующей работы, конформизм класса выдвинутцев формирует вербальные и коммуникативные особенности этой группы? Вот в отношении дискурсивных макростратегий это ясно. Здесь нужно указать на докторскую работу М.Н. Пановой «Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования» [5], очевидно оставшуюся за горизонтом исследователя. Каковы речевые характеристики чиновничества как класса? Что позволяет отделить (региональных) политиков от профессоров, от журналистов, от телеведущих, от старших школьников, от переводчиков? Тем более, что из уст всех этих категорий мы слышим образцы политического дискурса. В исследовании отечественного политического дискурса есть коллективный труд «Не говори шершавым языком», проливающий свет на отдельные аспекты устной публичной политической речи, к сожалению, в основном в аспекте нормативности

5. Как меняются положения работы Е.В. Кобец, если понимать языковую личность как сумму вербального опыта, как механизм хранения языка в памяти индивида?? Лингвисты-когнитивисты понимают языковую личность совсем иначе. Она не связана ни с отдельными носителями, ни с социальными группами. Мы также не можем согласиться с тем, что дискурсивная личность будет менять свои характеристики – это не про личность! В зависимости от условий коммуникации, целей меняются стратегии, стиль коммуникации, но не личность! У лингвистов-когнитивистов личность меняется в диахронии, а в риторико-герменевтической парадигме личность меняется по мере накопления речевого опыта и способности к пониманию и производству текстов [1]. Спорным вопросом остается структура языковой личности. Многочисленные, преходящие из работы в работу декларации, что-де «структуру

языковой личности формируют... речевой этикет, вербальный компонент...» заставляют нас полагать, что здесь могут быть и иные точки зрения.

На наш взгляд, при анализе политической риторики важны техники понимания стандартного, давно занимающие нас [2]. Приведем пример стандартной риторики. Газета «Завтра» № 43 помещает текст А. Проханова «Реквием по Муаммару»:

20 октября 2011 года Хилари Клинтон получила видео, на котором были засняты пытки, коим подвергся Муаммар Каддафи. Толстеющая госсекретарь с дьявольской ухмылкой выдала ликующее «Вау!», а затем произнесла: « Пришли... увидели... убили...» Именно такая жуткая варварская картинка предстала на мировых телеэкранах, открывшая истинное лицо тех, кто на протяжении полугода ракетами и бомбами «вбивал в Ливию демократию».... Кажется, «западники» сошли с ума. «Поздравления ливийскому народу» по случаю избавления от кровавого диктатора прислали все те деятели, усилиями или молчаливым согласием недавно процветающая страна превращена в руины, сотни тысяч ее граждан – в беженцев..

Запад танцует джигу на окровавленном теле Каддафи. Мы затеваем звездный хоровод под небом между трех океанов.

Каковы же последствия убийства Муаммара Каддафи? Очевидно, что мир после него не стал ни лучше, ни справедливее, ни безопаснее. Гражданская война в Ливии будет продолжаться, а хаотизация всего Ближнего Востока – нарастать..... в результате все человечество еще на несколько шагов подошло к черте, за которой начинается даже не «четвертая мировая», а нечто еще более масштабное и ужасное, некая первая «глобальная война». Полковник Каддафи уже стал первым настоящим героем этой войны, и теперь его, как метко сказал президент Венесуэлы Уго Чавес, «будут вспоминать как борца и мученика». Зеленое знамя Ливийской Джамахирии уже стало знаменем сопротивления американскому глобализму. Трагическая гибель Муаммара Каддафи не может оставить безучастными лидеров других суверенных национальных государств, которых разными способами шантажируют американские «борцы за демократию».

Каддафи убили по согласованной позиции западного финансового –промышленного истеблишмента – Каддафи вкладывал огромные суммы в западную экономику. По приказанию Саркози и других людей, которым он давал деньги на избирательную кампанию

Эти грабители выиграли. В момент кризиса его выгодно было убить. Главная ошибка этого человека – желание договориться с западом, стать частью мирового истеблишмента, наивная вера в то, что декларируемые ценности гуманизма и демократии реально существуют, и он имеет дело не с бандой озлобленных корыстолюбивых мерзавцев, для которых важнее всего власть и деньги. Эта наивная вера и привела его к трагическому концу на улицах Сирта. Он умер как мужчина.

При анализе материалов наше внимание привлекают стереотипы, оценочность, политическая (не)корректность в политическом дискурсе, эвфемизация, перифразирование, ограничение концептуального репертуара глобального медийного политического дискурса. Средства стереотипов, построения смыслов «свой-чужой», аксиологическая семантика создаются при помощи выделенных элементов. Клише, метафоры, позволяют создать стереотипную картину. Это выводит исследователя дискурса, например, к вопросу о том, чем полезны и чем вредны стереотипы. Сошлемся на нашу серию работ, посвященных языковым и риторическим особенностям политического дискурса в масс-медиа. На примере глобального дискурса событий 2011 года в Ливии показана важность номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафорики, эвфемии, повторов, перифраз, сложности дефинитивности терминов, манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса. Непонятно, кстати, сама ли действительность оперативнее представляет материал, или активнее идет накопление знаний и разработка самого метода дискурсивного анализа. Отметим, что в наших исследованиях на первоначальном этапе наше внимание привлекли освещение бомбардировок Косово 1999 года и их освещение в сети Интернет. Определенной оптикой снабдили исследователей информационные войны на Северном Кавказе. Экспланаторной силой обладают и работы школы Г.Г. Почепцова, связанные дискурсом Оранжевой революции на Украине. После событий 11 сентября 2001 года нами проведено исследование военно-политической риторики операции «Несокрушимая свобода» и «Иракская свобода», активно освещаемой мировыми масс-медиа. Определенный материал дали этно- и социально-окрашенные выступления в Париже 2005 года – нами проводилось исследование беспорядков во Франции в 2005 году. 2011 год представил материал по беспорядкам

в Великобритании. И публичная политика тоже способствует формированию представлений о критическом анализе дискурса. В последние годы мы могли наблюдать в Интернете и масс-медиа избирательные кампании по выборам президентов США и Франции, которые уже выплеснулись и на пространство блогосферы, что, безусловно, представляет собой новый феномен. Последние самые актуальные материалы опять вновь спешит «поставить» исследователю жизнь – движение индигнадос в Испании, акция Occupy the Wall Street и демонстрации в Греции, наконец операция коалиционных сил в Ливии и уничтожение М. Каддафи, С. Хуссейна, О. Бен Ладена. Дискурс об экономическом кризисе и дискурс мультикультурализма также способствуют разработке категориального аппарата дискурсивных исследований [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать / Г.И. Богин. – Тверь, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970> /6 (дата обращения 29.02.2012).
2. Бушев А.Б. Языковая личность профессионального переводчика: Монография / А.Б. Бушев. – Тверь: СПбГИЭУ, 2010. – 265 с.
3. Кобец Е.В. Коммуникативно-прагматическая специфика политического дискурса (на материале речей А.И. Лебеда) / Е.В. Кобец: Автореф.дисс....канд. филол. наук. – Абакан, 2012. – 30с.
4. Концептуализация политики. /Под ред. д.п.н., проф. М.В. Ильина. Серия «Новая перспектива», выпуск XXI. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 314 с.
5. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингво-методического исследования / М.Н. Панова. – Москва: РАГС, 2005. – 315 с.
6. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. /Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – Москва: ПРОСПЭН, 2012. – 327 с.
7. Политический дискурс в России 1996-2006. Хрестоматия. /Сост., общ. Ред. В.Н. Базылев. – М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2007. – 208 с.

УДК 81'42: 81'37

Ю.В. Дорофеев

ОТРАЖЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ю.В. ДОРОФЕЄВ. ВІДДЗЕРКАЛЕННЯ ВАРІАТИВНОСТІ МОВИ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ.

У статті розглядаються закономірності розвитку варіативності мови. На прикладі художніх текстів російськомовних українських письменників демонструється використання в художніх текстах номінативних засобів, що відображають приналежність носія мови до певного соціуму і регіону. Таке функціонування номінативних одиниць визначається як основа для закріплення варіативності.

Ключові слова: текст, варіативність, номінативні одиниці.

Ю.В. ДОРОФЕЕВ. ОТРАЖЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.

В статье рассматриваются закономерности развития вариативности языка. На примере художественных текстов русскоязычных украинских писателей демонстрируется использование в художественных текстах номинативных средств, отражающих принадлежность носителя языка к определенному социуму и региону. Такое функционирование номинативных единиц определяется как основа для закрепления вариативности.

Ключевые слова: текст, вариативность, номинативные единицы.

Y.V. DOROFEEV. REFLECTED VARIATION OF LANGUAGE IN A LITERARY TEXT.

The article examines patterns of variation of language development. On the example of Russian literary texts demonstrates the use of Ukrainian writers in literary texts nominative means reflecting native speakers belonging to a particular region and the society. This behavior is determined by the nominative units as a basis for fixing variability.

Keywords: text, variability, nominative units.